

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.9.21>

Вавичкина Татьяна Анатольевна, Власова Юлия Евгеньевна

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПРИТЧИ О БЛУДНОМ СЫНЕ В РОМАНЕ КАФЫ АЛЬ-ЗООБИ "ВЕРНИСЬ ДОМОЙ, ХАЛИЛЬ"

В статье рассматривается интерпретация ветхозаветной притчи о возвращении блудного сына в романе иорданской писательницы Кафы Аль-Зооби "Вернись домой, Халиль". Палестинский юноша, потеряв временное убежище и родных, слышит зов предков и находит в себе силы вернуться на родину, чтобы обрести дом, создать новую семью. Возвращение спасает его от депрессии, герой находит друзей и начинает бороться за справедливость. Назидательность жанра романа-притчи помогает доступнее донести до читателя миссию героя и заставить прогрессивное человечество повернуться лицом к Палестинской проблеме.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/9/21.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 9. С. 100-105. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/9/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 8; 821.411.21

Дата поступления рукописи: 30.06.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.9.21>

В статье рассматривается интерпретация ветхозаветной притчи о возвращении блудного сына в романе иорданской писательницы Кафы Аль-Зооби «Вернись домой, Халиль». Палестинский юноша, потеряв временное убежище и родных, слышит зов предков и находит в себе силы вернуться на родину, чтобы обрести дом, создать новую семью. Возвращение спасает его от депрессии, герой находит друзей и начинает бороться за справедливость. Назидательность жанра романа-притчи помогает доступнее донести до читателя миссию героя и заставить прогрессивное человечество повернуться лицом к Палестинской проблеме.

Ключевые слова и фразы: иорданская писательница Кафа Аль-Зооби; современная арабская литература; арабо-израильский конфликт в литературе; проблемы палестинских беженцев; роман-притча; мотив возвращения блудного сына.

Вавичкина Татьяна Анатольевна, к. филол. н.

Власова Юлия Евгеньевна, к. филол. н., доцент

Российский университет дружбы народов, г. Москва

vavichkina_ta@rudn.university; vlasova_yue@rudn.university

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПРИТЧИ О БЛУДНОМ СЫНЕ В РОМАНЕ КАФЫ АЛЬ-ЗООБИ «ВЕРНИСЬ ДОМОЙ, ХАЛИЛЬ»

На страницах романа «Вернись домой, Халиль» (2009, «عد إلى البيت ، يا خليل») современная иорданская писательница, литературный критик, журналист и переводчик Кафа Аль-Зооби (كفى الزعبي) затрагивает болезненную для всего арабского мира военную тему: многолетнее противостояние арабов и израильтян на землях Палестины. Ближний Восток является колыбелью трех авраамических религий: иудаизма, христианства и ислама. Этот регион на протяжении тысячелетий становился ареной противостояния разных народов: шумеров, финикийцев, ассирийцев, древних греков, римлян, турок и т.п. С 1947 года по сей день на этих землях воюют арабы и израильтяне. Конфликт между ними нашел свое отражение не только в сообщениях СМИ, но и явился богатой почвой для создания произведений искусства. Спор двух народов стал катализатором мощного развития современной литературы Палестины. За семьдесят лет выросла плеяда арабских писателей [5], поэтов, драматургов, которые в своем творчестве описывали борьбу арабов и израильтян. Самыми известными рупорами стали герои палестинского сопротивления Махмуд Дервиш [6], Муин Бсису [3] и Гассан Канафани [8]. Кафа Аль-Зооби также нашла источник вдохновения в Палестинской проблеме. Автор родилась в 1965 году в иорданском городе Рампта в провинции Ирбид на границе с Сирией, куда из-за четырех арабо-израильских войн (1948, 1956, 1967, 1973 годов соответственно) эмигрировало много арабов-палестинцев [4].

В 1984 году Кафа приехала в СССР, где в Ленинграде изучала русский язык и инженерное дело. В 2006 году она вернулась на родину и стала членом Союза инженеров Иордании, однако оставила эту профессию, чтобы полностью посвятить себя творческой работе. Она была принята в Союз арабских писателей. Из-под ее пера вышло около десятка романов, некоторые из которых были переведены с арабского языка на русский. Весной 2019 года она номинировалась на Международную премию в области арабской литературы (Арабский Букер, International Prize for Arabic Fiction) за роман «Холодное белое солнце» о кризисе арабской молодежи [15].

В настоящей статье речь пойдет об интерпретации притчи о блудном сыне в романе Кафы Аль-Зооби «Вернись домой, Халиль». **Актуальность** работы заключается в принципиальной важности темы произведения. Затянувшийся арабо-израильский конфликт продолжает приносить страдания жителям двух государств. Задачей писателя было, используя средства художественной выразительности, привлечь внимание общественности к этому нерешенному вопросу. Нужно добавить, что в российском литературоведении прежде не было попыток проанализировать жанровое своеобразие этого романа, что определяет **научную новизну** нашего исследования. **Цели и задачи** работы – доказать, что благодаря использованию притчевой манеры повествования трагические события в Палестине последней половины XX века из реалистических превращаются в эпические и служат назиданием всему человечеству.

Роман-притча «Вернись домой, Халиль» (2009) – третье произведение писательницы. Оно было написано по-арабски, переведено на русский и издано в России. Примечательно, что арабского издания до сих пор нет в широкой печати. В интервью журналисту Нидалю Аль-Касему, напечатанном в 2015 году газетой «Аль-Кудс», Кафа Аль-Зооби рассказала, что сначала она не решалась публиковать роман из-за страха быть обвиненной в антисемитизме, но когда он все же был издан, обнаружила удивительные отклики читателей, которые пишут ей время от времени, выражая благодарность за работу и удивляясь страшной правде об арабо-израильском конфликте и сочувствуя палестинскому народу [14]. Для воплощения своего замысла автор выбрала жанр романа-притчи, с помощью которого ей удалось придать произведению вневременной масштаб. Благодаря притчевой манере повествования противостояние арабов и евреев поднялось до уровня гуманитарной катастрофы и всемирной трагедии. По словам С. С. Аверинцева, притча дает «выход к эпическим основам человеческого повествования» [1, с. 305]. История скитаний и мучений палестинского беженца Халиля под пером Кафы Аль-Зооби выросла в притчу о блудном сыне.

Напомним, что библейская притча из Евангелия от Луки (глава 15, стих 11-12) повествует о сыне, который, промотав наследство отца, вернулся в отчий дом, раскаялся и был прощен. В христианском понимании этот сюжет говорит о милосердии и прощении грехов. В интерпретации арабской писательницы эта история приобрела иное звучание. Блудный сын не тот, который прогулял наследство, а тот, который заблуждался, пребывал в неведении, в темноте, во мраке. Для понимания поступков героя важен момент возвращения к истокам, обретение дома, семьи, корней и самоидентификации. В литературе эта назидательная история интерпретировалась неоднократно. Достаточно вспомнить «Станционного зрителя» А. С. Пушкина, «Шинель» Н. В. Гоголя и «Асю» И. С. Тургенева [11]. На арабской литературной ниве в жанре притчи активно работал выдающийся египетский писатель Нагиб Махфуз, который создал романы-притчи «Предания нашей улицы» [9] и «Путешествие Ибн Фаттумы» [10].

Популярный в литературе сюжет о возвращении молодого человека в отчий дом под пером Кафы Аль-Зооби получил новое звучание. На страницах романа рисуется непростая жизнь трех поколений семейства Аль-Ясини: бабушки Сурайи, тети Джамии, внука Халиля. Время действия реальное: 40-е, 60-е и 80-е годы XX века. Мелкие детали, подробности быта героев создают эффект документальности. Перед читателем проходит хроника трагических событий апреля 1948 года (резня в деревне Дер Ясин), боев июня 1967 года (Шестидневная война) и сентября 1982 года (бойня в ливанском лагере беженцев Сабра). Хотя писательница не уточняет даты, но названия мест прочно связаны в умах читателей с кровавыми событиями, которые там произошли в конце XX века. В первых строках романа в завязке автор опознает на экране телевизора в кадрах кинохроники сидящего на развалинах дома своего знакомого Халиля. Разгром палестинских лагерей в западном Бейруте в ходе гражданской войны в Ливане лишил многие семьи даже временного убежища и подтолкнул палестинскую молодежь к очередной волне сопротивления. Этот факт – точка отсчета, начало новой жизни младшего Аль-Ясини. Но прежде ему нужно найти свои корни, посетить родину предков, встретить первую любовь, обрести цель и смысл жизни. Он подавлен, одинок. Кругом развалины, кровь и трупы. После смерти тети, потерявшей своих детей, усыновившей и вырастившей племянника, Халиль нашел жестяную коробку с квитанциями и письмами от бабушки, которая осталась на оккупированной израильянами территории Палестины. Она уже очень стара, прикована к постели и живет только мыслью о встрече с любимым мужем Юсуфом в раю.

Внук дает весточку о себе и обещает приехать повидать умирающую в лагере беженцев в Дженине бабушку. Он пишет: «Я спасся чудом от бойни в Сабре и Шатиле... Моя тетушка Джамия работала в госпитале. Что касается меня, то где я только не работал, чем я только не занимался: то на стройке, то в магазине, то ночным сторожем... частенько я оставался без работы, и тогда, чтобы не огорчать тетушку, я через силу ел еду, оставшуюся от больных, которую она тайком приносила с собой. А два месяца назад она умерла» [2, с. 40].

Так развиваются события в реальном времени. Однако параллельно существует другая жизнь. Это воспоминания и сны героев. Реальность кошмарна, жестока, холодна и черна. Сны, напротив, переполнены весенним цветением, запахом испеченного хлеба и молока, свежим ветерком, нежной любовью. Посредством снов общаются предки и потомки. Бабушка Сурайя – проводник из земного мира в мир небесный. Место действия – легендарная Палестина, земля Ханаан, родина древних пророков и посланников. Образ деда – главы рода Аль-Ясини – эпичен. Недаром его зовут Юсуф, как легендарного исламского пророка, лучшего толкователя снов. Читателю приходят на ум благие поступки библейского патриарха Иосифа Прекрасного, который, будучи наместником фараона, спас Египет от голода и помог своему гонимому народу переселиться из Палестины.

Светлые эпизоды книги связаны с прошлым, с жизнью предков Халиля до прихода врагов. Молодая Сурайя и Юсуф строят дом для детей: малышей Хашима и Хуссейна. Весна, дождь, вода. Цветущие миндальные деревья под струями дождя. «Сурайя открыла для себя, как страстно она любит этого мужчину (Юсуфа), любит дождь, любит деревья, жемчужный блеск их зеленой листвы и их шум... Она любит эту землю, которая пропиталась волшебным благоуханием» [Там же, с. 14].

С этими пасторальными картинами контрастирует реальность Халиля. Руины дома, искореженные снарядами стены, осколки воспоминаний, выжженные солнцем. «Небеса испачканы пятнами крови» [Там же, с. 28]. В глубинах подсознания рефреном звучал голос матери, молящей: «Вернись домой, Халиль». Этот голос был зовом предков, связывающим поколения. В нем было спасение.

Благодаря письму от бабушки, случайно найденному на развалинах родного дома, сердце Халиля начало размягчаться, появилась надежда. Он ощутил запах мечтаний. Герой стал обретать самого себя в мозаике существования. Юноша принял решение навестить свою единственную родственницу в лагере беженцев в Дженине на оккупированных территориях. На пропускном пункте произошла судьбоносная встреча Халиля с молодой палестинкой Нурой, которая ехала к матери в Дженин. У девушки были всепонимающие, сострадательные карие глаза. Она была похожа на мать героя – Фатиму.

Возвращение Халиля на родину предков – это череда картин-воспоминаний, спонтанно всплывающих в воображении героя: было – стало. Рассказы о счастливом детстве матери, тети и дяди: «Мы видели, как ветер, напоенный запахами апельсина и лимона, играет листвой деревьев в плантациях. Он подхватывал и уносил нашу радость и смех. И мы с изумлением взирали на бескрайнюю землю, на мир, бесконечно прекрасный, как мечта» [Там же, с. 46]. Однако их выселили из родных мест, изгнали из домов. И «мир уменьшился и стал тесным» [Там же, с. 47]. Люди вдруг стали беженцами, вынужденными жить в лагерях. Похожие мысли были у матери Нуры, которая согласилась приютить путника. Она считала: «Они всех нас превратили в чужаков на своей собственной земле» [Там же, с. 53]. Причем местоимение *Они* автор выделяет в тексте курсивом, давая понять читателю, что речь идет о враге с большой буквы, беспощадном и лютом: «Они

готовятся к осаде лагеря... *Они* отключили электричество... *Они* вас непременно убьют, в лучшем случае арестуют» [Там же, с. 50]. На уровне снов враг предстает в образе змеи, а герой – в образе птицы. Аль-Ясини срочно нужно заделать дыру в изгороди, чтобы змеи не заползли и не покусали детей-птенчиков.

Кафа Аль-Зооби создает мрачную галерею беженцев. Все они родственники героя романа. Обезумевший от горя смерти родных и близких дядя Халиля – Хусейн потерял разум и скончался от удара. Тетя Халиля – Джамиля много лет скорбела по усопшим и рыдала сутки напролет. Бабушка Сурайя испытывала боль от разлуки с семьей и потери мужа. Ее сестра Фадийя все время боялась, что будет еще хуже. Внук Халиль был ранен, потерял память, но когда она к нему вернулась через восемнадцать лет («Вернись домой, сынок!»), у юноши начались галлюцинации, он снова испытал физическую и душевную боль. Он вспомнил, как солдаты на его глазах убили всю его семью. «Мой голос умер... Дневной свет обвинил пеленой мертвые тела... Мир стал постепенно раскалываться и пропадать, и я исчезал во мраке» [Там же, с. 21]. Перед читателем предстает собирательный образ беженца. Его выкинули из родного гнезда. Он стал жить между небом и землей. И мир вокруг умалился и стал тесным. Потерявший родину испытывает чувство горького одиночества, которое сливается с темнотой ночного лагеря. «Я чувствовал себя, как срезанная ветвь, и уже сомневался: существовали ли у меня в этой земле когда-нибудь корни, к которым я мог бы принадлежать и которые питали мое право на существование!» [Там же, с. 13]. Синдромом беженца страдают все герои. Их мучает состояние бездомности. Они не могут найти выхода. Они боятся сойти с ума. Они хотят окаменеть, потерять память или умереть. Время их остановилось. Они живут в страхе. У них клаустрофобия. Они осознают, что нужно бороться, зная, что погибнешь, поэтому придумали для себя утешительную философию шахида, мученика за правое дело.

Особое место в книге занимает подвижническая история хаджи Сурайи, сравнимая с повестями о святых великомучениках. Женщина шла пешком из Иерусалима на север, «ступая не по земле, а по мучениям» в поисках мужа и детей [Там же, с. 80]. А в конце жизни она приютила в доме пятнадцать беженцев. Ее дом стали сносить бульдозером, она оказалась заживо погребенной под его обломками, но дождалась внука, вернувшегося на родную землю.

Ненавистью к оккупантам проникнуты палестинцы всех поколений. Дед Юсуф стал борцом сопротивления, увидев, что его земля усыпана трупами и пропитана кровью. Он взял винтовку, чтобы сражаться с захватчиками, ибо «они были врагами его народа... Они сделали врагами всего человечества его собственной человечности» [Там же, с. 59]. Хаджи Хамида рассказывала о том, как девятого апреля 1948 года юноши и девушки из сионистских банд Арагон, Штерн и Кагана громили палестинские деревни: «Они жаждали крови... Они жестоко расправлялись с хозяевами дома и глумились над трупами, будто упражнялись в какой-то безумной игре» [Там же, с. 55]. Благодаря многократным повторам *Они* превращаются в некую злую силу, образ всеобщего зла, эпический хаос, с которым должны бороться герои из семьи Аль-Ясини. На страницах романа нагнетается напряженность, темные силы окружают клан Халиля прямо и косвенно. «Они еще раз пришли... Они стали более беспощадными и кровожадными... Они не хотят, чтобы от нас осталась какой-нибудь след на этой земле... Им нужна наша полная гибель» [Там же, с. 99]. Два мира – два лагеря: Мы и Они. Мы – весна, влага, дождь, цветение, любовь. Они – лето, сушь, огонь, кровь, ненависть. Контраст миров воздвиг между ними стену. Жизнь внутри, в воспоминаниях, в снах, в мечтах, а снаружи – смерть.

Градус ненависти доходит до крайнего предела, когда третий раз оккупанты пытаются отнять у палестинцев землю. Автор описывает силу отчаяния беженцев через переживания хаджи Сурайи. «Земля напиталась кровью. Я переслала отличать прошлое от настоящего. В памяти все спуталось, и я не могу понять: случилась ли эта бойня пятьдесят лет назад, тридцать или десять, или она случилась вчера» [Там же]. На страницах романа Кафа Аль-Зооби дала свою версию произошедшего на Западном берегу реки Иордан, в частности сноса лагеря беженцев близ Дженина, проводимого Армией обороны Израиля в рамках операции «Защитная стена». Нужно отметить, что эти события на оккупированных территориях были запечатлены сразу в двух нашумевших документальных фильмах. Первый спорный фильм «Дженин, Дженин» («جنين، جنين»), снятый в 2002 году израильским кинематографистом арабского происхождения Мохаммедом Бакри, представляет собой нарезку интервью с арабами, пострадавшими от действий израильской армии [12]. Во втором фильме «Дорога в Дженин» («The Road to Jenin», 2003), подготовленном в ответ на первый, французский режиссер еврейского происхождения Пьер Рехов дает более полную оценку трагических событий, взяв интервью очевидцев обеих сторон [11].

Конфликты, вспыхивавшие на землях Палестины последние семьдесят лет, не могли не вызвать отклика у мировой общественности. Начиная с 1947 года Совет Безопасности ООН принял уже более сотни резолюций по Палестинскому вопросу. Но спор не утихает и по сей день. Хотя арабское Государство Палестина официально признали две трети государств-членов ООН, включая Россию и США, власти Израиля продолжают строить поселения на арабских землях.

Палестинская проблема остается в центре внимания мировой общественности. Судьба палестинского народа продолжает волновать правозащитные организации. Образ палестинца-борца за независимость является основополагающим в современной литературе Палестины.

Женщины рода Аль-Ясин пребывают во мраке безысходности: «...все стороны света слились для них в одну – в сторону бездомности, блуждания и потерь» [2, с. 78]. Мужчины рода Аль-Ясин клянутся: «Сукины дети, они дорого заплатят за Дер Ясин! Мы возвратим каждую пядь земли, которую они захватили. Это наш обет» [Там же, с. 76]. Как жить в мире, полном крови, смертей, насилия? Как пройти через все испытания? Как не просто выжить, но закалиться? Нужно иметь сильный характер (как у бабушки Сурайи,

Нуры и других палестинских женщин) или стать шахидом, то есть мучеником, отдавшим свою жизнь за идею освобождения (как дед Юсуф). Согласно философии шахида, люди оккупированной Палестины верят в то, что только тем, кто погиб за правое дело, удастся увидеть на том свете яркий голубой цвет неба, и ослепительный свет солнца наполнит их глаза, в результате чего «испарится желтизна с их лиц, и кожа у них приобретет розовый цвет, будто они только что родились» [Там же, с. 101].

Есть еще способ – уехать в другую страну, где нет страданий. Так поступили многие палестинцы. Сегодня палестинская диаспора рассеяна по миру. Однако эмиграция для представителей рода Аль-Ясини – это не выход. Герой полюбил девушку, живущую на оккупированных землях. Халиль спросил Нуру: «Ты веришь, Нура, что существует в мире другое место кроме этого? Место, где солнце восходит каждое утро и освещает его дорожки. Где люди спокойно идут, спокойно разговаривая на другом языке, а не на языке смерти. И вместо криков можно услышать тихие голоса, и вместо пуль летают стаи птичек, и вместо крови льется дождь» [Там же, с. 126]. Бегство было бы временной мерой. Халиль подумал, что готов жертвовать своей жизнью ради того, чтобы Нура была жива и здорова. Что заставляет молодого человека идти на смерть? Любовь к девушке, любовь к семье, любовь к земле предков. Насколько должна быть велика сила любви, чтобы человек мог пожертвовать своей жизнью ради воплощения своей мечты и исполнения своего обета? Влюбленным человеком овладевают космические силы. Ни место, ни время не имеют никакого значения. «Земля разверзлась и поглотила все, что нас разделяло... наши души запыхали, как только мои губы дотронулись до твоих, и губы Нуры имели вкус мяты и запах окунутого в росу утра, и аромат маленького дома и теплой постели» [Там же, с. 129].

Миссия Халиля – вернуть своему роду и своему народу родину и простые человеческие радости: семейное счастье иметь свой дом, детей, любимую работу. Задача автора – используя жанр притчи, наглядно показать читателю предназначение человека. Описать и напомнить людям простые истины.

Большую роль в романе «Вернись домой, Халиль» играет пейзаж. Мрачный урбанистический пейзаж Бейрута, Иерусалима, Дженина контрастирует с деревенскими пасторальями. Разрушенные обезличенные мрачные городские кварталы, по которым перемещаются герои, противостоят сельской природе, где поют птицы и летают бабочки. Бабушка Сурайя полжизни прожила в лагерях беженцев. Она тоскует по родной деревне: «В Дер Ясине из нашего окна я вижу небо перед собой, вижу, как воздух танцует с деревьями, и они качаются, кокетничая с ветром... Зимой я вижу рядом с собой дождь, поливающий сады, и вижу, как он заливает холмы... А в городе я вижу только камни дома и камни мощеной улицы» [Там же, с. 78]. Важное место в романе занимает космогоническая символика: земля и небеса, а между ними облака. Имя Сурайя в переводе с арабского обозначает «плеяды, скопление ярких звезд, свечение», а имя Нура – «свет, светлая».

Когда писательница рисует картины природы, то одни из них предстают в динамике, а другие – в статике. Желая показать гнетущее настоящее героев, автор создает статичные образы. Вокруг царит тьма, боль, страх и ненависть.

Чтобы ярче описать состояние героев в разные моменты их жизни, она использует природную символику. «Они все ваши дома сровняли с землей... остается жить между небом и землей» [Там же, с. 60]. Беженцы, потерявшие кров, похожи на облака, висящие в небе. Также благодаря облакам рисуется состояние человека, который задыхается от гнилого воздуха в лагере. «Облака вокруг бесплодны» [Там же, с. 100].

Особое значение символы имеют в снах героев. Юсуфу пригрезилось, что он заснул на траве и увидел единственное облако над головой. Ему показалось, что он доил облако. «От дождя пахло молоком, запах которого кружил Юсуфу голову, он чувствовал, как жизнь бурлит в нем» [Там же, с. 30]. Трава, облако, дождь, молоко, земля указывают на возрождение.

Смерть Сурайи и долгожданная встреча возлюбленных Юсуфа и Сурайи на небесах связана с бурей. «Задрожал неподвижный ветер и подул, толкая массы черных облаков к небу. И разразилась песчаная буря, наполняя воздух плотной пылью. И больше в этом мире ничего не было видно» [Там же, с. 90]. Силы природы сказочно помогают семейству Аль-Ясини пережить трудности и найти правильный путь.

Пейзажи Палестины эпичны. Как и тысячи лет назад, над холмами и долинами земли Ханаан светит солнце и сияют звезды. А по синему небу плывут облака. «Солнце взошло и равнодушно рассыпало свое сияние в пустоте. Длинные тени, отбрасываемые скалами, вытянулись и покрыли землю, перед тем, как начать таять, чтобы позволить травам и цветам встретить утро» [Там же, с. 67]. Когда герою хорошо – небеса смеются и светлеют, а когда плохо – хмурятся. Несколько дней назад «небеса заливались смехом, и бытие взрывалось неясной божьей радостью» [Там же, с. 62].

В романе-притче особую роль играет автор. Он не только сообщает читателю, где происходят события, кто такой Халиль и его семья, но и является проводником героя. Юноша – на перепутье. Остались позади кошмары прошлой жизни в лагере беженцев в Ливане, он видит ужасы артобстрелов палестинской деревни сегодня. Но у него появилась надежда на лучшее в будущем, вместе с любимым человеком. В его голове живет и крепнет идея вернуть прежнее счастье. Построить дом, создать семью, продолжить род Аль-Ясини в будущем на родной земле, как завещали предки («Вернись домой, Халиль»). Трижды автор напоминает герою о его важной миссии. Ему надлежит пройти огонь, воду и медные трубы. Во-первых, вернуться в ливанский лагерь беженцев Сабра, чтобы найти артефакты прошлого (платок матери и письма бабушки). Во-вторых, вернуться в Палестину, чтобы встретиться с бабушкой – единственным оставшимся в живых родственником. В-третьих, не поверить в ее кончину, разыскать старушку под грудой обломков дома. Только так избраннык Халиль сможет вернуться из мира призраков, жить и бороться дома.

Примечательно, что фамилия Аль-Ясини происходит от исторического местечка Дер Ясин, где проживали предки героев романа. Однако у этого названия есть скрытая этимология, которую хорошо знают приверженцы ислама. Дело в том, что Я Син / Йа Син («О, человек!») – название известной суры Священного Корана, которая читается на похоронах, свитки с ней мусульмане носят на груди в качестве талисмана. Также название этой популярной суры употребляется как мужское имя Ясин/Йасин. По преданию, Пророк Мухаммад называл ее «сердцем Корана» [7]. В суре многократно повторяется мотив оживления людей и природы, спасения верующих. Поэтому у читателей сохраняется надежда, что род Аль-Ясини не зачахнет, а будет процветать.

Призыв к человеку и человечеству быть гуманными звучит в романе из уст патриарха рода Юсуфа, которого читатель идентифицирует с легендарным пророком Юсуфом/Иосифом – толкователем снов, предсказателем будущего. Его мнение авторитетно, его слову доверяют читатели.

Кафа Аль-Зооби инверсивно интерпретирует бродячий сюжет о возвращении блудного сына, делая акцент не на раскаянии и прощении грехов, а на акте возвращения на родину предков и выборе правильного пути. Халиль, продираясь сквозь физические мучения и психологические муки, преодолевая трудности, проходит обряд инициации. Жизнь героя совершает цикл: весна – детство с родителями, лето – убийство семьи и ранение героя, осень – потеря памяти, жизнь с тетей и ее смерть, зима – трудная дорога к бабушке, убежище в Дженине, потеря Нуры. Наконец, новая весна – встреча с бабушкой, объяснение с Нурой, самоопределение. Пройдя испытания, преодолев трудности, герой обретает свои корни и находит смысл жизни.

Красной нитью через роман проходит рефрен «Вернись домой, Халиль». Клич, брошенный матерью Халиля маленькому сыну, стал для него лозунгом, призывом к действию, девизом жизни. Используя притчевую манеру, автор настойчиво подчеркивает, что юноша был избран для возвращения на родную землю и возрождения рода. Он не погиб в войне Судного дня, уцелел в резне в Сабре, его миновала смерть в Дженине. Недалеко бабушка на смертном одре спутала его с мужем Юсуфом – главой семейства, передав миссию по сохранению и продолжению рода Аль-Ясини внуку. Пророчески звучат слова Юсуфа перед последним боем: «Я никогда не умру» [2, с. 59].

Многочисленные повторы императива «Вернись домой, Халиль» позволяют автору эффективно поучать заблудившегося молодого героя и вести его правильной дорогой. Такая нравоучительная притчевая манера достигает своей цели. И читатель убежден в избранности героя и единственности его пути.

Символ возвращения и возрождения одной семьи разрастается до масштабов всего палестинского народа благодаря использованию жанра притчи. Призыв к борьбе за независимость и возвращение родной земли звучит из уст деда в начале романа и повторяется внуком в конце произведения («Не сдадимся!» [Там же, с. 143]). Нравоучительный тон автора, ее постоянная опека главного героя доходчиво дают понять читателю, что Халиль вернется домой и выполнит свою миссию по урегулированию многолетнего арабо-израильского спора.

Таким образом, используя мотив возвращения домой блудного сына, арабская писательница Кафа Аль-Зооби в яркой художественной форме привлекла внимание к злободневному Палестинскому вопросу. Герой притчи – блудный сын палестинского народа, беженец Халиль, ведомый автором, проходит огонь, воду и медные трубы. Благодаря форме притчи образ юноши-борца становится нарицательным, а его поступки приобретают эпический размах. Он, подобно легендарному пророку Моисею, возвращается на родину, чтобы продолжить свой род и возродить пашни предков. Назидательная манера повествования не оставляет у читателя сомнения, что миссия героя будет выполнена. Роман «Вернись домой, Халиль» – это новое произведение арабской литературы, где в притчевой манере автор убеждает человечество в необходимости помнить о своих корнях, бороться за идеалы справедливости.

Список источников

1. Аверинцев С. С. Притча // Литературный энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1987.
2. Аль-Зооби К. Вернись домой, Халиль: роман-притча. М.: Библиос-консалтинг, 2009. 176 с.
3. Бсису М. С Палестиной в сердце. М.: Радуга, 1983. 296 с.
4. Власова Ю. Е. Палестинская проблема – 90 лет (1916-2006 гг.): от соглашения Сайкс – Пико до победы ХАМАС на выборах в ПНА // Международные отношения на рубеже XX-XXI веков: материалы второй межвузовской научной конференции. М.: РУДН, 2006. С. 47-61.
5. Горсть родной земли: современная палестинская новелла / сост. В. Шагаля; вступ. ст. Л. Медведко. М.: Прогресс, 1981. 311 с.
6. Дервиш М. Птица изгнания. М.: Радуга, 1987. 326 с.
7. Ислам: энциклопедический словарь / отв. ред. С. М. Прозоров. М.: Наука, 1991. 315 с.
8. Канафани Г. Возвращение в Хайфу // Канафани Г. Люди под солнцем. М.: Радуга, 1984. С. 9-54.
9. Махфуз Н. Предания нашей улицы. М.: Радуга, 1990. 504 с.
10. Махфуз Н. Путешествие Ибн Фаттумы. М.: Центр гум. сотр-ва, 2009. 160 с.
11. <https://youtu.be/knYH5oiy3C0> (дата обращения: 26.06.2019).
12. <https://youtu.be/ZE2-KfY25Xw> (дата обращения: 26.06.2019).
13. <https://youtu.be/5tmYtl4taAU> (дата обращения: 22.06.2019).
14. www.alquds.co.uk/?p=409580 (дата обращения: 22.06.2019).
15. ص ٣١٨ ٢٠١٨، دار الآداب، لبنان، شمس بيضاء باردة. كفى الزعبي. (Аль-Зооби Кафа. Холодное белое солнце. Ливан: Дар аль-Адаб, 2018. 318 с.).

**INTERPRETATION OF THE PARABLE OF THE PRODIGAL SON
IN THE NOVEL BY KAFA AL-ZOOBI “RETURN HOME, KHALIL”**

Vavichkina Tat'yana Anatol'evna, Ph. D. in Philology
Vlasova Yuliya Evgen'evna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Peoples' Friendship University of Russia, Moscow
vavichkina_ta@rudn.university; vlasova_yue@rudn.university

The article considers the interpretation of the Old Testament parable of the prodigal son in the novel by the Jordanian authoress Kafa Al-Zoobi “Return Home, Khalil”. A Palestinian youth, who lost his relatives and temporary refuge, answers the call of the ancestors and returns to his native land seeking to acquire home and family. The return heals him from depression; he finds friends and starts to struggle for justice. Didacticism of the novel-parable helps to achieve a better understanding of the hero's mission and to attract public attention to the Palestinian problem.

Key words and phrases: Jordanian authoress Kafa Al-Zoobi; modern Arabic literature; Arab-Israeli conflict in literature; Palestinian refugees' problems; novel-parable; motive of the prodigal son.

УДК 821.512.161.0

Дата поступления рукописи: 09.07.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.9.22>

В статье рассматривается образ вечного города Константинополя/Стамбула, который в романе Зюльфию Ливанели «Отель “Константинополь”» формируется в необычном вертикальном хронотопе, осложненном элементами фантазмагории и карнавализации, и посредством специфической формы повествования, основывающейся на бесконечном количестве историй о персонажах романа. Доказывается, что позиция нарратора, часто выражающего себя через местоимения «мы» и «я», ясна и определена, что сводится она к нравственной проблематике. Значимость фигур персонажей романа измеряется их пониманием мимолетности земного существования и вечности смертельной тьмы.

Ключевые слова и фразы: турецкая беллетристика; Зюльфию Ливанели; роман «Отель “Константинополь”»; карнавализация; фантазмагоричность хронотопа; система образов; поэтика нарративизации; цитация и самцитация; образ вечного города на семи холмах.

Репенкова Мария Михайловна, д. филол. н., доцент
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
mmrepenkova@rambler.ru

ОБРАЗ СТАМБУЛА В РОМАНЕ ЗЮЛЬФИЮ ЛИВАНЕЛИ «ОТЕЛЬ “КОНСТАНТИНОПОЛЬ”»

Целью статьи является рассмотрение образа Стамбула – восточного мегаполиса, представленного писателем в разные периоды его существования (Римская империя, Византия, Османская империя, Турецкая республика) как места, в котором люди стремятся к богатству и власти. Цель реализуется посредством решения конкретных **задач**: раскрытие образной системы романа, выявление его хронотипологических характеристик и авторской позиции – тщеславие и алчность людей бессмысленны перед смертельной вечностью, которая уравнивает и богатых, и бедных. **Актуальность** исследования определяется значимостью фигуры автора романа в современной турецкой литературе – одного из самых читаемых турецких беллетристов последнего времени, а также доминантным местом беллетристики в литературном процессе страны. **Научная новизна** статьи связана с тем, что данный роман в отечественном туркологическом литературоведении анализируется впервые. В научный оборот вводятся композиционные характеристики произведения, такие как мозаичность, фантазмагоричность и карнавализация хронотопа. Теоретическая значимость статьи вытекает из сказанного выше и определяется дальнейшей разработкой структурных компонентов современного турецкого беллетристического романа.

Творчество Омера Зюльфию Ливанели (Ливанелиоглу) (род. в 1946 г.) привлекает внимание отечественных и турецких исследователей разносторонностью его таланта – композитора, певца, кинорежиссера, поэта, прозаика [1-6; 9]. В интервью корреспонденту «Вечерней Москвы» О. Фочкину З. Ливанели рассказывал, как в нем уживаются ипостаси писателя и музыканта: «Это две части моей жизни. Я с детства мечтал писать и готовился стать писателем. В 1971 г. к власти в Турции в результате переворота пришли военные. Они вешали людей, совершали другие ужасные вещи. Погибло огромное количество моих друзей, и я в память о них начал писать песни, чтобы запомнить их навсегда. Я потерял более пятидесяти друзей: журналистов, студентов, писателей. Они стали мучениками, а мои песни о них разошлись и были очень популярны. Мне пришлось уехать из страны. Мои песни стали популярны в Греции, а потом и во всем мире. Так ко мне пришло признание как к музыканту, и вся первая часть моей жизни прошла под знаком музыки. В Турции до сих пор старшее поколение знает меня как композитора, среднее – как писателя. Я писал музыку 20 лет – в 1970-1980-е гг. Но в какой-то момент я поставил точку, и началась моя вторая жизнь – прозаика и поэта. Я написал поэму “Назым Хикмет”, но ее запретили в Турции. Тогда я написал к этой поэме музыку, и известная греческая певица Мария Фарандури стала выступать с этой композицией. В 1983 г. я приехал в Афины, чтобы записать ее